

Примечание автора

В этой истории есть некоторый акцент на иностранном языке. Поэтому вместо того, чтобы просто писать какую-то тарабарщину вроде@#\$\$%^, я решил создать собственный язык.

(Не придавайте этому слишком большого значения, он в значительной степени основан на другом ранее созданном пользовательском языке, а именно на языке эльфов Толкиена. Я добавил несколько собственных слов и перестроил грамматику, чтобы она больше соответствовала структуре латинских "романских" языков, а не германских языков. (К вашему сведению, английский-это германский язык.))

Во всяком случае, на этом этапе истории вас не должно слишком беспокоить то, что персонажи говорят на языке, который вы не можете понять. Вы и не должны понимать. Дело здесь в том, что читатель чувствует то же самое, что и герои рассказа.

Предупреждение: есть некоторые моменты, когда использование иностранного языка является довольно тяжелым. Еще раз, однако, читатель получает всю информацию, которую ГГ может собрать воедино, так что, надеюсь, вы можете понять достаточно того, что происходит, чтобы понять, несмотря на то, что не знаете, что говорится.

* Я не буду транслитить тарабарщину, при транслите я могу потерять тонкости в будущем, раз автор хочет иностранный – пусть уж будет полностью иностранный:)

Арка 1: Младенчество

Акт 1: Развитие нервной системы

Перерождение, обретение второй жизни после того, как закончилась ваша первая жизнь. Нет, дело не только в этом. Перерождение с полностью сохраненной памятью о прошлой жизни.

Такая концепция звучит просто замечательно, не правда ли? Это фактически становится способом обмануть смерть, и есть очень мало людей, которым не понравилась бы сама идея такой вещи.

Я осознал это, когда был во чреве своей матери во второй своей жизни. Это был довольно любопытный опыт пребывания в утробе матери. Довольно мирная до такой степени, что я потерял счет времени, которое провел там. Тот факт, что мой развивающийся эмбриональный мозг не мог должным образом обработать большую часть воспоминаний моей прошлой жизни, вероятно, имел какое-то отношение и к этому. Это была довольно любопытная вещь. У меня были воспоминания о вещах, которые я не мог полностью понять в том ментальном состоянии, которое я имел в своей эмбриональной стадии. На самом деле, все, чего я хотел, это спать в тепле и нежных объятиях материнской утробы, прижавшись к моему близнецу, который делил это пространство со мной. Несмотря на все мое эмбриональное развитие, это было самое хорошее, что сделали для меня воспоминания моей прошлой жизни. Я был в состоянии понять, что костлявое существо, на которое я постоянно натывался, было моим близнецом, кем-то, кто будет со мной всю мою молодую жизнь, встроенным первым другом, и это принесло неопишемое теплое чувство в мое сердце еще до того, как я родился.

Но в этом-то все и дело. Это единственное, к чему воспоминания моей прошлой жизни никогда не могли меня подготовить. Нет, из-за воспоминаний моей прошлой жизни я знал, что это произойдет. Однако эти воспоминания никогда не могли подготовить меня к тому, насколько болезненным будет процесс рождения. Проведя так много времени в этом уютном пространстве, теплые нежные стены вокруг меня внезапно начали сильно сжимать меня. Я почувствовал, как мой близнец внезапно исчез, и понял, что только что стал младшим. Это было не так уж и важно. Однако затем настала моя очередь пройти через родовый канал. В этом процессе я почувствовал, как мой череп начал сжиматься и деформироваться, пластины* моего черепа буквально перемещались, чтобы позволить моей голове пройти через него. Мне казалось, что мои глаза вот-вот вылезут из орбит, и, вероятно, единственное, что удерживало их внутри, - это то, что они не могли выскочить наружу. На мою голову давили со всех сторон.

* У младенцев нет пластин, череп почти как хрящик и вполне себе нормально деформируется.

После этого, однако, все стало только хуже, потому что то, что я был вытеснен, было холодной средой, которая шокировала мой организм по сравнению с тем, где я только что был, и поскольку мои глаза были открыты свету в первый раз, я нашел его чрезвычайно жестким. Мои уши могли слышать звук плача поблизости, мой близнец, который родился прямо передо мной, тяжело выли из своих легких. И, благодаря моим воспоминаниям о прошлой жизни, я знал, что для моего выживания очень важно сделать то же самое. Когда я почувствовал, как чьи-то руки начали нежно баюкать мое тело, я заставил свои маленькие легкие работать. Я чувствовал, как изо рта выталкивается околоплодная жидкость, когда мое тело выталкивало ее

из легких, и я начал кашлять, брызгать слюной и плакать, давая своим легким тяжелую тренировку, чтобы впервые принять воздух.

* Сразу скажу, половина из того, что здесь пишет автор фигня, он видимо не был на домашних родах ни разу. И еще, новорожденный не очень сильно чувствует холод и вполне нормально переносит перепады температур, он начинает чувствовать холод и постоянно простужаться, потому, что родители очень сильно укутывают детей.

Мне не пришлось заставлять себя плакать. После всех тяжелых физических переживаний, которые мне пришлось пережить, казалось, что я не могу удержаться от слез. Мои воспоминания из прошлой жизни сообщили мне о том, что происходит, но это все еще был тяжелый опыт, и мне это совсем не нравилось. В прошлой жизни я был намного жестче, чем сейчас. Я научился справляться с суровыми переживаниями, не издавая ни жалоб, ни ворчания, ни неприятного выражения лица, но после того, как я провел время беременности в утробе матери, казалось, что все суровые уроки, которые я вбил в свое тело, были забыты.

Я не мог отследить, что происходит с моим крошечным новорожденным телом. Возможно, я и знал, чего ожидать, но это не мешало мне чувствовать себя полностью дезориентированным. Не успел я опомниться, как меня уже прижимали к чьей-то груди, и я слышал женский голос. Я не мог расслышать, о чем они говорили, и слова звучали очень невнятно. Однако я часто слышал этот голос, когда был еще в утробе матери, и он меня успокаивал. Должно быть, это был голос моей матери. Нет, нашей матери. Я чувствовал, что мой близнец тоже прижимается ко мне. Это тоже позволило мне успокоиться. Свет ударил мне в глаза, стало холодно, и теплая жидкость больше не поддерживала мое тело. Однако то, что меня крепко держали в объятиях матери, а рядом был мой близнец, было так похоже на то, что я ожидал увидеть, и это придало мне ощущение чего-то знакомого, и вскоре я смог успокоить свой плач и расслабиться в объятиях матери.

Должно быть, я заснул в какой-то момент после того, как меня так держала мать, потому что в следующий раз, когда я осознал, что меня окружает, я был завернут в одеяло, и когда я повернулся, то почувствовал, что перекачиваюсь. В этот момент меня никто не держал и не поддерживал. Я изо всех сил старался открыть глаза и оглядеться, чтобы понять, где я нахожусь и каково мое окружение. До сих пор я находился в утробе матери. На самом деле я мало что мог сделать, чтобы понять, какой будет моя новая жизнь, поэтому все, что я действительно мог сделать, это спать и пытаться думать о чем-то с моим развивающимся

эмбриональным мозгом, чтобы понять ситуацию в те времена, когда мое тело просто больше не будет спать.

Теперь я уже не был в утробе матери. Я мог бы попытаться понять, что происходит. Однако я лишь испытал разочарование, когда попытался открыть глаза. Я не мог разглядеть ни одной детали того, на что смотрел, когда пытался оглядеться. Все казалось просто размытым пятном. Я мог видеть пятна более светлых и темных мест. Мои уши тоже не могли нормально работать. Вокруг меня раздавались голоса, но все они казались довольно приглушенными. На самом деле они тоже казались довольно высокими. Возможно, я был в детской с несколькими другими новорожденными детьми. Вот и все, я должен быть в больнице. Но нет, что-то в этой идее было не так. Это определенно были голоса, которые я слышал. Другие новорожденные не будут разговаривать.

Я был в замешательстве, и в моем замешательстве я был разочарован тем фактом, что не мог понять, что происходит. Еще не успев опомниться, я расплакался. Плач был очень важной вещью для младенца. Это был единственный способ общения ребенка. Младенец тоже ничего не мог сделать. Младенец полностью зависел от доброй воли более развитых представителей своего вида, чтобы заботиться о нем, и плач был единственным способом привлечь их внимание, чтобы дать им понять, что что-то не так. Если моя догадка была верна, то, как минимум, меня окружали дети, а значит, где-то поблизости должен был находиться взрослый. И, конечно же, после того, как я начал плакать, вскоре чьи-то руки подняли меня и я услышал женский голос.

Я сосредоточился на голосе, обращенном ко мне. Это был совсем не тот голос, что у моей матери, я мог различить разницу, я никогда не понимал ни слова, но я слышал голос моей матери почти каждый раз, когда просыпался, находясь внутри нее, в течение всего времени с тех пор, как я обрел сознание и осознание внутри нее. Эта женщина разговаривала со мной, произнося что-то такое, что должно было меня успокоить. Впрочем, я мог сказать это только по тону. Я слышал, что она что-то говорит, но не мог разобрать слов. Он звучал яснее, чем те слова, которые я слышал в утробе матери, но все равно звучал приглушенно и далеко, как будто я слышал слова с другого конца длинной трубки.

Я попытался посмотреть на нее, но уже начал плакать. Мне было почти невозможно открыть глаза, когда я плакал, и теперь, когда я начал плакать, мне было трудно успокоиться, хотя я и пытался остановиться.

Ее голос зовет кого-то рядом. Может быть, я вообще не понимаю, что она говорит, но по ее тону я могу сказать, что она не направляет свои слова ко мне. Вскоре после этого я чувствую, что меня опускают. Она начинает держать меня подальше от своей груди, как будто опускает на землю, и тогда я чувствую, что меня принимает другая пара очень маленьких рук. Человек, который держит меня сейчас, едва ли больше меня самого, и, кажется, ему очень трудно держать меня. Я слышу, как этот человек жалуется женщине, которая передала меня им, высоким голосом, который определенно принадлежит очень маленькому ребенку. Женщина каким-то образом реагирует, и я слышу вокруг себя множество смущенных маленьких голосов. Очевидно, ребенок, который держал меня на руках, был частью небольшой толпы.

Наконец мне удалось заставить себя перестать плакать, и я попытался сосредоточиться на том, что происходит, пытаюсь найти во всем этом смысл. Женщина сделала какое-то одобрительное замечание. Теперь, судя по ее тону, она скорее приняла тот факт, что я перестал плакать, как доказательство того, что она только что сказала детям, которым передала меня. В нем чувствовалось что-то вроде “Я же тебе говорила”, и что бы она ни говорила, дети, казалось, были просто очарованы этим. Я чувствовал, как они приближаются ко мне.

Теперь, когда я перестал плакать, я открыл глаза и посмотрел на ребенка, который держал меня. Все, что я мог видеть, это нечеткий, грубо телесного цвета силуэт лица, обрамленный более пушистым и гораздо более трудным для восприятия более темным цветом их волос и одежды, которую они носили. После этого женщина сказала что-то еще и ушла. Именно тогда произошло нечто такое, что впервые по-настоящему привлекло мое внимание.

“ooo uuud uuul ee uuu” все еще сильно искажалось. Я едва мог слышать некоторые из более твердых согласных, и в основном это были более длинные гласные звуки, которые выделялись. Тем не менее, то, что сказал этот ребенок, звучало немного похоже на то, что он говорил по-английски, и это звучало очень похоже на то, что он сказал что-то вроде: - «так что же мы будем делать?»

“aahi oon ooh, ee uhos hoo hake are oh aye ahey eeer? Uuus at eeely eeel?” (Я не знаю, мы должны были заботиться о ребенке здесь? Было ли это действительно реально?) Я посвящал все свои усилия тому, чтобы понять их слова. Я вообще не мог разобрать слов, которые говорила та женщина, но если бы я действительно сосредоточился на этих детских словах, то смог бы их понять. Может быть, эта женщина говорит на другом языке? Тогда это означало бы, что здешние дети говорят на двух языках, а теперь они говорят друг с другом по-английски.

- eel, uhe-her, eey eess. Aahi oon ooh aaaou eels oh eey ees oh. (Ну, как бы то ни было, я думаю. Я не знаю насчет ... неразборчиво... так что я думаю, что да.)

- ohaу (ок.)

Один из ребят сказал что-то, чего я не совсем разобрал, но это прозвучало довольно важно. Это не было похоже на слово, которое имело бы какой-либо реальный смысл в предложении. Что-то вроде: "Я не знаю насчет..." что-то вроде этого. "Еще что-нибудь? В аду?" Это звучало так, как будто он сказал что-то еще, но ни одно слово, которое я вставляю в предложение, не кажется мне полностью осмысленным, и попытка сосредоточиться на интерпретации их слов уже перегружает мой бедный новорожденный мозг. Было уже трудно понять, что происходит в этой новой ситуации, и теперь мой мозг действительно болел от всей той активности, которую я сделал на нем, хотя еще не прошло и дня.

Казалось, что в слове, которое я пропустил мимо ушей, содержался какой-то ключ к обстоятельствам моего рождения и к тому, где мы были, но я действительно не мог понять его прямо сейчас. После всего этого небольшого занятия я снова почувствовал сонливость. Я чувствовал, как двое детей неуклюже тащат меня, на самом деле это было почти так же близко, как они тащили меня, когда я думал, что чувствую, как часть одеяла тащится по полу.

- eey, aahi iin eeh oinn oo heer a-ain - я больше не мог сосредоточиться, чтобы понять, что они говорят, но думаю, что они, вероятно, заметили, что мои глаза немного отвисли или что-то в этом роде. Они принесли меня куда-то и положили на что-то мягкое. Они кажутся симпатичными маленькими детьми, но, похоже, не слишком плохо заботятся обо мне. Но какой же безответственный взрослый отдаст ребенка таким маленьким детям, чтобы они о нем заботились? Я чувствую, что они действительно не намного больше меня, может быть, им может быть 2 или 3. Это кажется смешным возрастом, чтобы заботиться о ребенке. Ну, пока они не делают что-то, что причиняет мне боль, я думаю, что я в порядке. Но если они это сделают, все, что я смогу сделать, это плакать очень громко и надеяться, что взрослый заметит, прежде чем они сделают мне что-то очень плохое. Это довольно тревожно, но пока они не сделали ничего такого, что могло бы меня особенно встревожить. Поэтому я решаю принять ситуацию такой, какая она есть, и снова засыпаю.

Некоторое время все шло именно так. Когда я проснулся в следующий раз, то обнаружил рядом с собой своего близнеца. Я на мгновение задумался, мальчики мы или девочки, но на самом деле это было не так уж важно. Мы оба были спеленаты довольно плотно, закрывая нас и делая это так, что моя рука не могла даже пошевелиться. Я, вероятно, даже не смог бы выяснить это с моим собственным телом, так как у младенцев все равно нет мышц, чтобы подтянуться в направлении, чтобы посмотреть на себя таким образом. Ну что ж, я полагаю, что у меня есть все мое детство, чтобы выяснить это, так что это не имеет особого значения прямо сейчас.

Я не уверен, смогу ли я чувствовать это или нет, когда они меняют мне подгузник, но по крайней мере я должен быть в состоянии понять это, слушая детей, которые раньше говорили по-английски. В конце концов им придется отказаться от полового местоимения. Хотя, учитывая то, как нечетко я их сейчас слышал, смогу ли я вообще различить разницу между "Он" и "она"? - Думаю, даже этот метод не сработает, пока мой слух не разовьется еще немного.

Что же касается пеленания, то я был немного удивлен тем, как хорошо это было на самом деле. Это было по-настоящему расслабляюще-так плотно завернуться в эту ткань и держать тепло своего тела рядом с собой. На самом деле это было очень похоже на то, когда я был в утробе матери, и напоминание о том знакомом чувстве, которое было не слишком далеко в прошлом для меня в этот момент, давало мне утешение.

Если бы я был нормальным ребенком, то вполне мог бы продолжать сидеть там в довольстве, по крайней мере до тех пор, пока не почувствовал бы голод или не испытал бы какие-то другие потребности. Вместо этого я просто хотел получить какую-то форму стимуляции. Как ни странно, прожив так долго в утробе матери, я гораздо больше привык к более медленному темпу жизни. Однако теперь, когда я вышел из утробы и ничего интересного еще не произошло, с моими воспоминаниями о прошлой жизни я жаждал узнать больше об этом новом мире, в котором я был, даже если бы это было просто знать, кто будет первым реагировать, если я начну шуметь.

"Ааа! Аааооа!" Я слышал эти звуки, исходящие из моего рта. Я вдруг был очарован звуком собственного голоса и тем, как он звучал в моих ушах. Мои уши были самой большой помехой на этом этапе. Мое зрение не сильно отставало от этого, но если я правильно помню послеродовое развитие, то глазам требуется гораздо больше времени, чтобы приспособиться к

тому, как работает нормальный человек, чем ушам. Стимуляция помогает приспособлению, и глаза получают нулевую стимуляцию в утробе матери, в то время как уши, по крайней мере, получают некоторую ограниченную стимуляцию.

Я внимательно прислушиваюсь к звукам вокруг меня. Я все еще слышу голоса некоторых людей вдалеке. Нет, я хочу снова услышать, как эти дети говорят по-английски. Если я их слышу, то, может быть, мне удастся ускорить темп развития моих ушей, хотя бы немного. "Awaooa! Awaaa! Awaowa!"!- Я начинаю повышать голос, чтобы требовать более настойчиво.

"Heeu maa, laio kue naa" - слышу я голос и пытаюсь разобрать, что он говорит. Лучшее, что я могу сказать, - это "Heu ma" для первой части, но я чувствую, что люди подходят ближе. Они кажутся немного больше, чем дети из прошлого, но они все еще кажутся детьми. Учитывая, что они пришли сразу после того, как сказали это, может быть, они говорили что-то о том, что я симпатичный?

"Aowa!" Я продолжаю лепетать, как только могу.

"Ahh! ru quenna ruien" что-то о королеве? Нет, это не так. Довольно скоро я понимаю, что это совсем не английский язык. Они и раньше говорили на этом другом языке. Прошло совсем немного времени, прежде чем я почувствовал, что меня поднимают. Это определенно были маленькие ручки, но не такие маленькие, как те, которым дали меня в первый раз, когда я проснулся. Они тоже казались детьми.

Я чувствовал какое-то удовлетворение от того, что меня держали в руках этого ребенка, но почему-то, несмотря на то, как неуклюже это было, я чувствовал, что мне больше нравятся действительно маленькие дети, которые держали меня в первый раз. Но мне все равно это нравилось, и когда меня держали на руках у малыша, я почувствовал, что снова засыпаю.

Было еще несколько подобных эпизодов. Я просыпался несколько раз, и каждый раз мне казалось, что меня окружают дети, которые сразу же подходили ко мне и обнимали, как только я просыпался. Мне показалось странным, что за мной всегда ухаживали дети, а взрослых, похоже, никогда не было. Разве это не было действительно безответственно со стороны взрослых оставлять детей Детям?

Однако довольно скоро я понял, что еще кое-что было странным. На самом деле, самым странным было то, что мне потребовалось так много времени, чтобы это заметить. Я уже несколько раз просыпался и засыпал. К этому моменту я уже потерял всякое чувство времени, но почти уверен, что прошел хотя бы один день. Возможно, даже больше. Тем не менее, ни разу моя мать, или, по крайней мере, женщина в возрасте няньки или что-то в этом роде, не приходила ухаживать за мной. Мало того, эти дети даже не дали мне бутылку или что-нибудь в этом роде.

Я начал немного паниковать, когда понял это. Я начал плакать очень громко, изо всех сил, думая о том, что это, вероятно, означает, что я умираю от голода. Сейчас я не чувствовал себя плохо, но был уверен, что это только вопрос времени.

Дети, как обычно, подошли ко мне, и я почему-то сразу почувствовал, как на меня снизошло спокойствие. Однако я не мог позволить этому остановить меня. Если я сейчас перестану плакать, как они поймут эту проблему? После того как я на мгновение заколебался, почувствовав, что меня поднимают, я тут же выдал из себя еще один крик, и так как дети, казалось, пытались говорить друг с другом с паническим звуком в голосе, я продолжал плакать.

Я не знаю, как долго мне пришлось плакать, чтобы заставить их сделать что-то другое. Я действительно не понимал, как им может быть так трудно понять, что они должны кормить ребенка? Во всяком случае, я продолжал в том же духе. Я все плакал и плакал, и мой голос становился все громче и яростнее, потому что они, казалось, почти ничего не делали.

В конце концов, я услышал приближающийся низкий женский голос.

- Levin ri' Rolwen a' ho ona he` ume lle?- Я слышал, как она что-то говорила. Мои уши улучшились до такой степени, что теперь они были полностью развиты, и я прекрасно понимал некоторых англоговорящих детей. Но я все еще не мог понять, что именно говорит эта женщина. В конце концов, это был другой язык. Впрочем, это не имело значения. Наконец передо мной появилась взрослая женщина.

Я чувствовал, как взрослые руки обнимают меня, и я успокоил свой плач до нескольких всхлипов, когда женщина убаюкала меня так, чтобы она могла смотреть на меня. Она вздохнула и прижала меня к своей груди. Вот оно что! Наконец-то! Но ... следующего ожидаемого шага так и не последовало. Все, что она сделала, это просто прижала меня к своей груди.

- Rashwe naa amin uma il- sinta manke tuulo', nan' sii' he` nalla naa n'ner - женщина, казалось, говорила с детьми довольным тоном. Я почувствовал, как ее хватка начала немного ослабевать. Неужели она не собирается кормить меня? Я начал трястись изо всех сил, давая знать о своем протесте. Я попытался схватить ее за грудь, чтобы показать, чего же я хочу, но в это время пеленание, которое я раньше находил таким удобным, сильно действовало против меня. Поскольку мои протесты по-прежнему оставались безрезультатными, я снова заплакал, на этот раз не останавливаясь, пока она не сделает что-нибудь с этим.

- Ah! il- quel! Rashwe mani naa? - Она испустила тяжелый вздох. - «N'uma, he` helma naa il- quel. Levin, kwara he` tenna' amin brien n'alaquel Eirlathion tura.»

С этими словами, которые я не мог понять, меня передали от женщины к тому, что, судя по ощущениям, было самым маленьким ребенком в комнате. После этого я даже не мог видеть смутный силуэт женщины, так как моя голова была отвернута от нее неловкой хваткой маленького ребенка. Однако я все еще отчетливо слышал звуки ее быстро удаляющихся шагов. Вообще-то, судя по звуку ее шагов, она очень спешила.

- Mani naa goien no'? Yassen he` rashwe mani naa?

- Sinta amin uma il-, genil naa re?

- Eden'ta uma re anta?

- Tel'Quessir uma il- anta eden'ta Idn'uma!

Все дети, казалось, становились довольно оживленными. Я не понимал их языка, но уловил в их голосах нотки беспокойства. Неужели они беспокоятся обо мне? Мне просто нужна еда! Мне нужно поесть! Почему они не могут этого понять??

Но что касается меня, то я был настолько ошеломлен тем, что эта женщина просто так ушла, что я больше не мог даже кричать от беспокойства. Тем не менее, мне почему-то было очень приятно находиться в таких объятиях с этим маленьким ребенком. Вскоре я почувствовал, что снова засыпаю.

Казалось, что следующий раз, когда я проснулся, был намного короче, чем когда-либо до этого. На самом деле, я слышал шепот вокруг меня, и было много таких же детей, которые, казалось, были рядом. Но здесь было что-то другое. Я открыл глаза и увидел темную фигуру, склонившуюся надо мной. Было что-то другое в том, что я чувствовал рядом с этим человеком. Что-то... было такое чувство, что чего-то не хватает, но что-то в этом было и знакомое.

- Rashwe lye elea mani ta naa - произнесла фигура глубоким мужским голосом. Значит, взрослый мужчина. Мне потребовалось некоторое время, чтобы вспомнить, почему он мог быть здесь, но потом я вспомнил, как обеспокоены были все дети.

Когда он поднял руку, я почувствовал что-то совсем другое. Что-то, что напомнило мне что-то из моей прошлой жизни. Когда мне напомнили об этом, я почувствовал умиротворение, и я позволил своему разуму успокоиться, и мои тревоги смылись, когда я почувствовал, что позволяю своим разочарованиям упасть с меня в пустоту. Я почувствовал внезапный сдвиг в своем сознании, как будто мое мышление внезапно стало более ясным. Я стал лучше осознавать свое тело. Я все еще ни разу не сосал грудь с тех пор, как родился, но когда я больше сосредоточился на своем теле, я понял, что действительно не чувствую слабости, как должен был бы, если бы это не было проблемой.

- Mani!? - Человек, державший меня за руку, что-то сказал, и в его голосе прозвучало удивление. Я все еще не мог разглядеть ничего, кроме его силуэта из-за моих новорожденных глаз, но по движению его плеч я понял, что он чем-то расстроен. Подожди, он расстроился, когда осматривал меня. Это должно означать, что со мной действительно что-то не так, верно? Мне стало страшно. - «Il- quel sina naa. He` templa limbe duna ar' lova ten' n'uma casta»

- Mani uma-aya?

- Sinta il- uma amin. Ten' sii' kela he` yassen tanya hin ve' re naa

В ответ на слова этого человека послышалось какое-то шумное бормотание, и мне очень захотелось понять язык, на котором они говорили.

- Ты можешь понять, что он сказал не так?

Вот так! Слава долбаному Богу всемогущему, один из англоговорящих детей держал меня, и он, казалось, был достаточно близко к другому, чтобы они разговаривали друг с другом.

- Нет, я все еще многого не понимаю. Кажется, он что-то говорил о том, что ты держишь ее на руках?

Ну, в конце концов, это не особенно полезно. Но подождите! Но я услышал кое-что еще. Это было не то, что я хотел услышать в данный момент, но он просто назвал меня "она", не так ли? Что ж, это ответ на один вопрос, который меня интересовал. Если бы не эта ситуация прямо сейчас, я бы мысленно отпраздновал, наконец-то узнав, каков мой пол в этой жизни. Однако сейчас я был слишком взволнован, чтобы обращать на это внимание.

- Quenaien a' ilye n'at ron naa. Sinta uma lle i' lammen ron quena?

- Amin il- uma, voro a' ilye n'at ron quena ve' tanya ilya i' coiasira. Sinta amin il- uma tanya lammen

- Hmm... Tir-sen amin. I' tauru quel a' kela i' laito yassen sen.

Мужчина, казалось, обсуждал что-то с женщиной, и только двое взрослых в комнате вели серьезный разговор, который я никак не мог понять. Или, по крайней мере, я мог сказать достаточно, чтобы понять, что мне следует беспокоиться. Это было так невероятно неприятно, не зная языка, на котором они говорили.

После того, как все это немного продолжалось, мужчина ушел. Через некоторое время женщина, казалось, снова наклонилась ко мне. Что ж, учитывая сложившуюся здесь ситуацию,

для меня имело смысл только одно. Это было именно то, что заставило меня запаниковать в первую очередь. Когда рядом оказалась взрослая женщина, я начал усиленно метаться и освобождать руки от этого плотного одеяла, которое сковывало меня, чтобы дотянуться до нее. Когда я не мог, то обнаружил, что слишком легко впадаю в отчаяние и начинаю громко плакать.

- Ucar-amin, shhh... shhh.. - Она начала гладить меня по голове, склонившись надо мной, но, конечно же, ласки были не тем, что мне нужно. - «Nwalmaien he` amin naa re'na beien sinome. Levin, Rolwen, malia ten' he` lle caela a' sii'. Saesa malia ten' he` eithel. Ilya en' lle, saesa alya-sen mali-laito»

- Ahhh... uhh.. - Судя по реакции ребенка, державшего меня на руках, она просила его что-то сделать. Похоже, он тоже не понимал, что говорит эта женщина, хотя, похоже, понимал лучше, чем я. Неуверенный ответ, который он дал, казалось, был чем-то вроде “улыбки и кивка”, и казалось, что женщина была довольна этим.

- Diola Levin. Rolwen, lle kwara-aya Gaerien, he` helma naa sai' il-quel. Il-lamya re karne ai'. Sinome. I' winimo alya-sen yassen edenat. - Женщина давала указания другим детям, и они, казалось, двигались в ответ. Судя по тому, что я мог сказать, они были весьма обеспокоены, и предметом их беспокойства был я. Если они так обеспокоены, то почему никто из них не видит, что мне просто нужно поесть? Вернее, в моем возрасте. После этих указаний женщина ушла. Если бы голос женщины не был таким нежным, я бы предположил, что дети были обеспокоены, потому что она просто сказала что-то возмутительное, как будто она намеренно оставила меня умирать. Но в данном случае я был просто сбит с толку.

Затем последовала более волнующая мысль. А как насчет моего близнеца? Сестра, не так ли? Во всяком случае, мой близнец. Она(?) на самом деле не производил никакого шума. Она где-то рядом? Я пытаюсь оглядеться, но все, что я могу разглядеть, - это странные темные силуэты, слегка окрашенные в цвет кожи, и я не могу далеко отодвинуть голову. Невозможно даже описать, как это расстраивает, когда я не могу ничего сделать, потому что теперь я заперт в теле младенца. Все, что я действительно могу сделать, это просто плакать и надеяться, что кто-то ответит так, как это будет отвечать моим потребностям.

Когда я впервые начал писать эту серию, я не знал точно, в каком направлении я буду продвигать ее с точки зрения развития персонажа в течение первых частей своей жизни. Я примерно знал, какие события мне хотелось бы иметь, но не знал, как они будут развиваться. Поскольку оказалось, что темп, связанный с прогрессией времени, на самом деле довольно медленный, и ГГ растет довольно медленно, я подумал, что лучше всего быть как можно более откровенным в этом.

Я решил, что эта серия будет разделена как на тематически связанные арки, так и на акты. В соответствии со структурой с 1го по 3-й акты, 1-й акт будет просто введением и наращиванием понятий, и вы не должны ожидать большой интенсивности от действий. По-настоящему серьезные вещи будут в конце 2-го акта и в течении всего 3-го акта.

Более того, вся 1-я дуга называется "младенчество". - Это должно быть очень важным показателем временной шкалы, которую вы ожидаете увидеть из этой серии. Я, конечно, думаю, что вам понравится эта серия, несмотря на любые опасения, которые у вас могут возникнуть по поводу того, что может показаться в связи с темпом.

<http://tl.rulate.ru/book/33076/719489>